

A portrait of a woman with blonde hair, wearing a black dress and pearl jewelry, sitting on a patterned sofa. The background is a light blue wall with a decorative white and gold pattern.

НАТАЛИЯ ГУЛЬКИНА

а может,
ЭТО ПРОСТО МИРАЖ...

Наталия Валерьевна Гулькина

А может, это просто мираж... Моя исповедь

Серия «Современная биография»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44825186

*А может, это просто мираж... (Моя исповедь)/ Гулькина Наталия:
АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-116574-1*

Аннотация

Привычная спокойная жизнь обычной девушки изменилась в одночасье, когда, случайно попав на прослушивание, она была принята солисткой в группу «Мираж», которая появилась в конце 1980 годов. Начались бесконечные гастролы, многочасовые концерты. Пришла популярность. Исполняемые Гулькиной песни были хитами. Но однажды ей пришлось уйти из группы, чтобы пойти своей дорогой. И на эстраде появилась организованная ею группа «Звезды». И снова судьба делает поворот: Наталия совместно с Маргаритой Суханкиной создает дуэт, и они вновь исполняют песни «Миража». Обо всех перипетиях своей жизни, о гастролях, некоторые из которых могли закончиться трагически, о своей семье рассказывает эта книга.

Содержание

От автора	6
Глава 1	12
Мои самые близкие люди	12
Детские проказы	18
Перемены	27
Жизнь в Рублеве	33
Вырасту и заведу собаку	37
Знакомство с папой	42
Он от бабушки ушел...	46
Любовь к спорту	50
Закаляйся, если хочешь быть здоров	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Гулькина Наталия

А может, это просто мираж... Моя исповедь

За окном то Хабаровск, то Нальчик,
Питер, Тула, Уфа и Казань.
Что же всё для меня это значит?
Может, Бог так меня наказал?

Он по венам пустил эту сладость,
Ностальгию дорог и огней.
И я чувствую сильную слабость
И безумно скучаю по ней.

Что гастроли – наркотик пьянящий,
Рокот зала, кулисы, огни,
Шепот, в гул плавно переходящий,
Как признание в вечной любви!

Сцена – вот оно настоящее!
Здесь гармония всюду царит,
Да и зрителя тем же манящая,
Она с ним о любви говорит.

Отказаться от этого сложно.
Нет и нет! Ни за что! Никогда!

Разлюбить это всё невозможно,
Завязала нас в узел судьба.

© Денис Осокин, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2019

От автора

Давно хотела рассказать всем эту запутанную, но не лишённую сюжета для хорошего фильма историю длиною в целую жизнь!

А началась она, по сути, в далекие 80-е, точнее в 1986 году

– году осуществления моей мечты, начала моей творческой жизни.

Это было время, когда девушки ревновали своих парней к той, которая пела, как им казалось, неподражаемым голосом. Парни восхищались и боготворили ее, закручивая каскеты до дыр на простеньких магнитофонах. Огромная страна дружно отплясывала на днях рождения, свадьбах, проводах в армию, на стадионах, на дискотеках, которые только начинали входить в моду, под песни молоденькой блондинки Наташи Гулькиной, которая, скажу я вам, и сама не понимала всей значимости своего вклада как в историю советской поп-музыки, так и просто в историю – свою и миллионов других, таких же молодых парней и девчонок...

Прошли годы, а я по-прежнему молодая, энергичная, темпераментная, жизнелюбивая девчонка. И когда мне задают вопрос: «А на сколько лет вы себя ощущаете?», я захожу в ступор – не понимаю вопроса! Пусть смеются те, кто тоже меня не понимает, но я ощущаю себя лет на 30, ну в крайнем случае на 35!!! И как же трудно сопоставлять свое внутреннее состояние с тем, что написано у меня в паспорте! Я решительно отказываюсь это принимать!

Что касается книги, я много лет назад уже планировала ее начать писать и даже как-то начала со своего незабываемого, яркого детства, которое тогда мне казалось скучным: дни тянулись бесконечно, я не знала, куда себя деть, хоть и ходила на разные кружки, пела в хоре, каталась на лыжах, коньках,

санках, велосипеде. Все равно время тянулось очень медленно, и мне очень хотелось побыстрее вырасти, чтоб надевать мамины платья и каблуки, ложиться спать не по воле родителей, а когда душа пожелает.

Сейчас, вспоминая это, я понимаю, каким же счастливым и веселым, а главное беззаботным было мое детство.

Не всякий может представить себе, что его жизнь ему не принадлежит. Он наблюдает ее как бы со стороны, сидя у окна самолета или попивая горячий чай в греющем подстаканнике в поездах разных направлений. Автомобили, автобусы, корабли, сотни тысяч километров по всей России, вдоль и поперек. За рубежом – чуть меньше, но тоже есть о чем вспомнить. Всегда жалела, что не купила в 1986 году карту и не повесила ее на стене вместо ковра, чтобы отмечать звездочками места моего пребывания! Эх, жаль!!! Но тем не менее это и есть моя жизнь и жизнь многих моих коллег, вынужденных зарабатывать концертной деятельностью, так как от продажи дисков в нашей стране этого сделать нельзя. Вот так и вынуждены мотаться по городам и весям, кормить клопов в гостиницах, рисковать каждый раз жизнью, садясь в самолет, и молиться о том, чтобы долететь, чтоб вновь увидеть свою семью, ради которой, собственно, ты и обрек себя на такую жизнь...

А где-то есть жизнь другая, и людей, живущих этой другой жизнью, значительно больше. Я говорю о тех, кто ходит на концерты звезд, на театральные премьеры, ездит в Курша-

вель и Альпы, на побережье Майами или в Арабские Эмираты. Есть люди, которые никуда не бегут, а живут спокойной размеренной жизнью: кто-то на даче сажает огород, кто-то планирует свой отпуск, путешествует и наслаждается, как кажется со стороны, жизнью, и таких немало. Мы же, артисты, напрямую зависим от концертов. И так же, как и многие, порой сидим без работы и, соответственно, без денег.

Одни вынуждены пахать, а другим падает с неба. Почему так? Где взять на это ответ? Как бы то ни было, есть все-таки одно, что объединяет нас всех, – мы спешим жить! В детстве мы хотим побыстрее вырасти, а когда вырастаем, то все время вынуждены бежать и торопиться... толкаться в пробках... материть друг друга из окна авто, сигналить другим, никому не уступая. Куда мы летим, куда спешим? Как будто завтра апокалипсис, конец света, и все нужно успеть именно сегодня!

А если это и так, да, конец света... и что же... Так тем более проживите свой последний день на земле в свое удовольствие. Улыбайтесь каждому, не срывайте свою злость ни на ком, не смотрите себе под ноги, откройтесь и откройте глаза, увидите красоту вокруг. Вы обретете гармонию и просто станете в этот миг счастливыми!

Я хочу раствориться в вечерней заре,
Стать веселым, бушующим маем,
Я хочу побывать на Полярной звезде,
Но вы скажете: так не бывает!

Я хочу быть холодной водою морской
Или птицей, летящей не в стае,
И в дремучем бору я хочу быть сосной,
Но вы скажете: так не бывает!

Я хочу петь, как ветер поет в проводах,
Беззаботным щенком звонко лаять,
Даже чаем горячим побыть в поездах,
Но вы скажете: так не бывает!

Я хочу одного лишь, быть чуточку нужной,
Чтобы руки, как крылья, поднять,
Я помчусь через осень, по листьям, по лужам,
И пройдем я буду кричать:

Чтоб в глазах огонек не терял бы надежды,
Чтобы сердце стучало, как в наковальне,
Люди, скиньте с себя зла гнилые одежды.
Но в ответ лишь услышу я: так не бывает!

Что ж, давайте любить, несмотря на усталость,
Каждый день новый – Богу воздать,
И нести в мир добро, ну хотя бы лишь малость,
И хоть чуточку нужным стать!

Больше полувека за спиной. Но я почему-то чувствую себя одинокой и незащищенной, порой маленькой девочкой. Мне хочется забиться в угол и рыдать оттого, что не пони-

маю, как жить, как поступить в той или иной ситуации, каким путем пойти? Плыть по течению или идти напролом? Вроде и не одна, вроде и любима и люблю, но что-то не дает насладиться этим счастьем сполна, есть какая-то невидимая преграда... и сломать я ее пока не могу!

Возможно, виной этому мой возраст, который душой я не принимаю. Когда я слышу, как молодые девчонки и ребята смеются, подтрунивают, «прикалываются» и осуждают с высоты своей молодости других (тех, кто старше) и говорят даже про 30-летних «эта старуха, да куда она лезет», – то сначала мне становится страшно за себя, а потом просто смешно... Дураки! Когда-то в юности и я так думала. Они не знают, не понимают, как быстро пролетит их время, и вот уже им вслед тоже полетят насмешки, и они тоже будут чувствовать себя неловко...

Но пока молоды, мы об этом не задумываемся. Наша жизнь бежит по кругу, как стрелки часов, что у каждого из нас висят дома на стенах, на работе, в транспорте, тикают на запястье руки. Мы носим время с собой в кармане, на телефоне, но оно нам не то чтобы друг... скорее наоборот, оно к нам беспощадно, оно неумолимо забирает у нас самое дорогое: минуты, часы, годы... нашу жизнь!

И, наверное, именно по этой причине у меня появилось желание вспомнить все с самого начала и рассказать о себе, о том, как часто на разных этапах своей жизни мне приходилось все начинать с чистого листа!

Глава 1

Семья

Мои самые близкие люди

Я плохо помню свое раннее детство, и меня это всегда напрягало. Как же так? Почему другие люди все помнят в мельчайших деталях, а я, как говорится в известном фильме А. Серого, «тут помню, тут не помню».

Моя мама родилась в 1945 году в Москве, когда закончилась война. Мамина сестра тетя Наташа была деду не кровная дочь, он взял бабушку с четырехлетней девочкой на руках.

Павел Алексеевич Кульков, мой дед, был для меня отцом, потому что он меня воспитал. Бабушка была женщиной невероятной красоты, будто кинозвезда. А дед был молодой, смелый. Бабушка очень любила человека, от которого у нее был ребенок, она собиралась за него замуж, но свадьбу было не суждено сыграть, в 1941 году он погиб на войне.

Бабушка всю жизнь говорила мне: «Ты знаешь, я деда как бы и не любила, я все равно помнила и любила того единственного человека». А дед происходил из старой московской семьи, у них был свой дом. Вся его семья жила в Руб-

леве. Он привез мою бабушку с Наташенькой в Москву, где через год родилась моя мама Людмила.

Когда маму привезли из роддома, тете Наташе было пять лет. Бабушка мне рассказывала, что она Наташеньке сшила фартучек, там у нее лежали семечки, и вот Наташа подошла к Люсе и говорит: «Какая хорошая девочка! Хочешь семечку?» Взрослые не успели ничего сказать, как она уже засунула ее в рот новорожденной. Маму перевернули ногами вверх, вынули эту семечку, еще чуть-чуть – и она бы подавилась.

Мама родила меня в 19 лет. По рассказам мамы и бабушки Любы, выйдя замуж за моего отца Валеру, она из Москвы переехала жить к нему в подмосковный город Королев. Они жили в очень старом доме, где была еще печка-буржуйка. Мама моего отца, бабушка Лида (мы звали ее Балидой), выделила им комнату на чердаке – так сказать, апартаменты для молодоженов. А в феврале 1964 года в родильном доме поселка Болшево по соседству с городом Королевым появилась на свет я. Был уже конец зимы, но морозы стояли еще сильные. Мама вспоминает: «Вроде печку топим, в комнате жара невероятная, я тебя раздеваю, всю раскутываю из пеленок, ты лежишь у меня голенькая, потом к вечеру печку гасим, я тебя закутываю и одеялом сверху накрываю. Ты просыпаешься утром: нос холодный, руки, ноги ледяные. За ночь комната сильно остывала, так ты и простыла».

В две недели от роду я получила двустороннее крупозное

воспаление легких и вместе с мамой попала в больницу для грудничков. Мне полностью делали переливание донорской крови. Мама говорит, что я тогда совсем ничего не ела, отказывалась брать грудь. Мама сцеживала молоко, и его мне через пипетку вливали в нос – других способов покормить ребенка просто не было. Уколов делали столько, что места живого не было, даже в голову ставили уколы. Когда наступил переломный момент и снизилась температура, врач сказал: «Я вам честно скажу, был бы мальчик – не выжил бы, парни более хилые в грудничковом возрасте. А эта держится за жизнь – будь здоров! И так орет, что певицей, наверное, будет».

Мои родители вместе прожили недолго, и, когда мне было 2 годика, они расстались. Я, конечно же, осталась с мамой, и мы переехали обратно в Москву. Так мама в 21 год осталась одна с двухлетней дочерью на руках.

По приезду бабушка предложила маме: «Людмила, давай я заберу Наташку, потому что она маленькая, требует много внимания, а тебе надо личную жизнь строить». Мама сначала ни в какую не хотела меня отдавать, но бабушка все же настояла.

Так я уехала с ней в Будапешт. Бабуля сразу стала для меня мамой, а дедушка – папой. Все время, проведенное в Будапеште, я их так и называла. Они меня звали «доченька наша, Наташенька». Бабушка одевала меня как куколку: лучшие костюмчики, платица. При этом я была озорная и ху-

лиганистая девчонка.

Когда мы еще только ехали в Будапешт, после очередной стоянки поезда произошел неприятный случай. Я лежала на верхней полке и листала книжки. Когда поезд уже набрал приличную скорость, кто-то дернул стоп-кран. Поезд резко затормозил, и я полетела вниз на металлический столик. Слез было море – и от страха, и от боли, так как ударилась я не только затылком, но и позвоночником, ободрав до крови кожу на спине, шрамы до сих пор видны. Но, к счастью, все обошлось.

Несколько лет мы с бабушкой и дедом прожили в Венгрии, но я плохо помню это, в основном по фотографиям и бабушкиным рассказам.

Расскажу вам пару забавных историй, которые я слышала от моей бабулечки. Я была жуткая озорница, «шило в попе» – так она говорила. Я очень любила бабушку, но частенько ее не слушалась. А так как она была очень добрая и мягкая, я этим умело пользовалась. В Будапеште мы жили напротив посольства СССР, где работал дед, и он каждый раз приходил обедать домой, где его всегда ждал превосходный, приготовленный бабушкой обед. И вот в один из таких дней бабуля уложила меня днем спать, а сама пошла покормить дедушку. Когда спустя полчаса он вышел на улицу, чтобы вернуться на работу, то его глазам предстала такая картина: у входа в здание стоял полицейский, а вокруг него была це-

лая свалка книг, которые моя мама регулярно высылала посылками из Москвы. Книги продолжали листопадом сыпаться сверху солдату на голову, а он только разводил руками и грозил пальцем, глядя куда-то вверх. Дедушка сразу все понял, в три прыжка он оказался на третьем этаже, где мы жили, влетел в квартиру как ошпаренный и буквально за ноги поймал меня при очередном замахе целой стопкой книг. Еще секунда – и я спикировала бы вслед за произведениями Чуковского, Пушкина и Михалкова.

Мне сильно влетело тогда, но это подействовало ненадолго. История повторилась, только полицейский был другой, и сверху летели на него не книжки, а кофточки, юбочки, колготки и все, что попадалось мне под руку из гардероба.

После этого окно заклеили, чтобы я не смогла самостоятельно открыть его, а до форточки я не доставала. Тогда я нашла себе другое занятие. Так как у меня было много карандашей и фломастеров, я в свой положенный тихий час, когда бабушка с дедушкой мирно обедали на кухне, разрисовала всю стену непонятными человечками и несуществующими зверюшками! Когда они вошли в комнату, то, глядя на их лица, я поняла, что надо прятаться под кровать. Дед закричал и снял тапку: «Наташка, вылезай!» Тапка – это было самое страшное! Его я больше всего боялась! Но я затихла, как мышонок, и только хлопала глазами. Дотянуться до меня он не мог, и мне очень повезло: моя бабуля была «хорошим полицейским», она успокоила деда, что-то шепнула

ему на ушко, и они вышли. Я еще несколько минут полежала под кроватью и решила покинуть свое убежище, думая, что буря миновала, но меня обманули (вышла только бабушка). Как только я вылезла из-под кровати, меня тут же схватили за ухо, и я получила хороший шлепок по попе тапочкой. Потом стояла целый час в углу, носом к стенке. Ухо болело и горело, я рыдала и обещала, что больше никогда так делать не буду.

– Конечно, не будешь, – рычал дед, – я соберу все твои карандаши и фломастеры в одну коробку, и ты их больше никогда не увидишь.

– А как же я буду рисовать? – сквозь слезы хлюпала я.

– Хватит, Сальвадор Дали, нарисовалась уже!

Детские проказы

Время летело быстро. Мои папа с мамой (так я звала бабушку и дедушку в Венгрии) были очень отходчивы. Они просто сильно любили меня. Но любовь к рисованию никак не давала мне покоя. В бабушкиной тумбочке была кое-какая косметика. Вообще-то она никогда не красилась (от природы была очень красивой), и лишь когда в посольстве проходили какие-то мероприятия, надо было соответствующе выглядеть. Тушь, ярко-красная помада и тени – вот все, что было у нее в закромах. И я туда забралась! Уложили меня спать, а мне не до сна, я же такой клад обнаружила! Села у трюмо и давай малеваться. Стрелки до ушей, тени до лба, а губы... губы просто вместе со щеками захватила, как у Олега Попова. Слышу голоса за дверью – я шасть в кровать и с головой под одеяло. И слышу такой разговор:

– Да спит, я тебе говорю!

– Да не спит, только что босые ножки шлепали.

Бабушка и дедушка заходят – я не шелохнусь.

– Ну вот, спит, говорю же я тебе, вот только чем дышит-то, – говорит бабуля и тихонько стягивает с головы простыню, а я глаза закрыла, не дышу. И тут такой хохот раздался на весь дом. Они оба просто рыдали от смеха, вытирая слезы, а я обрадовалась, вскочила, прыгаю в одних трусах с жутко размалеванной физиономией и хохочу вместе с ними:

«Гы-гы-гы-гы». Так мне было весело, что я их порадовала!

Когда истерика стихла и меня умывали, слезы текли уже от мыла, которое попало мне в глаза. Дед сжалился над мной и отдал коробку с карандашами с условием на стенах не калякать, так как обои уже переклеили.

Много чего было смешного в моем детстве, как вспоминала бабуля. Мы с ней очень любили ходить в зоопарк, он был совсем недалеко от нашего дома. Бабушка рассказывала, что я часами могла простаивать напротив бассейна с морскими котиками. Куда бы она меня ни тянула, я ни в какую не хотела оттуда уходить. Интересно, о чем я тогда думала, глядя на этих удивительных животных, чем они так меня завораживали? Непонятно... В один из таких дней было очень жарко, и бабушка, изнемогая от жары, предложила купить мороженое. До этого момента я его ни разу не пробовала, только видела, как другие в зоопарке с удовольствием угощаются этой сладостью под названием «мороженое». Я, конечно же, согласилась и отлипла от вольера. Бабушка рассказывала, что было дальше:

– Я купила нам по стаканчику мороженого. Ты стала маленькой ложечкой потихоньку пробовать, что же это такое. Потом твои движения стали убыстряться, а я только наблюдала за тобой и успевала одергивать: «Наташа, не спеши, горло простудишь, ешь потихоньку». Но какое тут потихоньку! И вот уже показалось дно стаканчика мороженого, осталось его совсем чуть-чуть, и ты таким жалобным голосочком по-

просила меня: «Бабулечка, дай твоё мороженое немножечко попробовать, а ты моё попробуешь».

Так как у неё был почти полный стакан, я начала быстро заглатывать одну ложечку за другой. Съев её мороженое почти до конца, я вдруг совершенно спокойно сказала: «Ты знаешь, твоё мороженое тоже было вкусное, но моё лучше, так что, если ты не будешь, я его доем», – и выхватила у неё из рук свой стаканчик, протянув взамен пустой. Тут бабушка решила возмутиться: «Как же так, разве так можно? Что за лиса Алиса, отдай мне обратно моё мороженое, а то так нечестно». Но пока она пыталась меня пристыдить, я молниеносно проглотила то, что оставалось. Бабуля расхохоталась, а у меня с этого дня начался пожизненный роман с самым вкусным лакомством на свете, с мороженым!

Бабушка рассказала мне эту историю, когда я уже подросла, и мы вместе долго смеялись. И это, кстати, стало для моих родителей хорошим подспорьем в деле воспитания. Чуть что не так: «Мороженое сегодня не получишь!» И эта фраза решала все! Я становилась буквально шелковой и послушно делала то, о чём меня просили.

Меня баловали, одевали как игрушечку. Я, конечно, не знала и не понимала, каким трудом достаются деньги моим родителям. Дедушка от звонка до звонка в посольстве, а бабушка готовила на все банкеты и праздники и накрывала большие столы. Потом мыла посуду, все убирала и мыла полы во всем помещении. Спина, ноги и руки у неё просто «от-

валивались», но я этого не понимала и каждый вечер просила ее почесать мне спинку. Ой, как я любила такую ласку! Она рассказывала мне сказку, чесала спинку, и дальше уже просто наступало утро. Вот это было время!

Как-то раз мы пошли то ли в гости, то ли в театр: меня раздели, как маленькую принцессу, во все кружевное и белоснежное. Это было платье с пышной юбкой, белые колготочки, огромный бант на моих трех волосинках и белые туфельки. Только мы вышли на улицу, как оказались перед огромной лужей размером с озеро. Наши взгляды с бабулей встретились, и она сразу поняла, что я замыслила.

– Не вздумай этого делать, дочка! – сказала она грозным голосом.

Но я уже не слушала, так как понимала, что еще одна секунда промедления – и другого шанса у меня не будет, потому что дед просто возьмет меня на руки и перенесет через эту «чудесную» лужу. И я побежала. Да прямо по самой середине! Брызги разлетались по краям моего платья почти как крылья, я не бежала, я летела! Моему восторгу не было предела. Вот оно, счастье! Промчавшись через всю лужу и повернувшись к родителям, я увидела, как выражение ужаса в их глазах сменяется удивлением: на моей белоснежной одежде не было и пятнышка грязи! Только мне хотелисыпать, а не за что! Ха-ха-ха! Как так вышло, никто не понимал, но меня достаточно жестко взяли за руки с двух сторон, и мы пошли дальше. И мой восторг только возрос, ко-

гда я стала взлетать над каждой лужей и, перелетев, опускалась на асфальт, а мои чудесные родители по команде «раз-два-три!» просто поднимали меня, как пушинку, и это была очень веселая игра.

Больше всего на свете я любила кататься на загровке у деда. Будучи поднята на такую высоту, я была в диком восторге. Я болтала ножками, стараясь держаться за его уши, и все время пела. У деда затекала шея, он ставил меня на землю, но через десять минут я уже хныкала и просилась обратно к нему на ручки. При этом без остановки приговаривала как попугай: «Деда, ножки оторвались». Спустя годы дедушка и бабушка, глядя на меня, подросшую, часто говорили друг другу: «А помнишь “ножки оторвались”»?

Бабуля любила вспоминать мои бесконечные шалости. Например, как я однажды засунула указательный палец в кипяток. Наливая деду чай в кружку, бабуля, взглянув на меня, сразу поняла, что я что-то замышляю. Я метнулась к столу, где стояла кружка, а бабушка только успела крикнуть: «Наташка, не смей, ошпаришься!» Но мне же надо было понять значение этого слова. Я с ходу сунула палец в кипяток... Слез было вдвое больше, чем чая у деда.

«Упертая, упрямая, все сделает по-своему». За свою жизнь я не раз слышала от них эти слова. С детства я была такой; возможно, это и помогло мне чего-то добиться в жизни.

Детсад у нас был при посольстве, детей там воспитывалось немного, поэтому на группы их не делили.

Бабушка говорила: «Ты была настолько активная и деловая, просто ребенок-сорванец, чертик в юбке, все лужи твои, везде надо влезть, все на себе попробовать. Коленки и локти всегда разбитые». Она любила вспоминать время моего раннего детства.

В детском саду у меня был дружок: мальчик, который мне очень нравился. Мне было года три, а ему лет пять. По характеру он был более спокойный малыш, не такой шептун, как я. Мы с ним дружили. Когда я прибежала в садик, мы каждое утро обнимались, как будто не виделись сто лет. Однажды бабушка приводит меня в группу, смотрю: мальчишки возятся, идет какая-то заваруха, все катаются по полу, дерутся. Бабушка не поняла, что произошло, но я, скинув пальто и шапку, побежала в группу, где все это происходило. Накинулась сверху на пацана, который обижал моего друга, и давай дубасить его кулаками: «Слезай с него, слезай, не бей моего Сереженьку!» В общем, нас всех еле растащили. Тогда все поразились, насколько я отважная и какое у меня большое и доброе сердце. Я ничего не боюсь, лишь бы друзьями не обижали!

В детском саду я была самая младшая, но всегда была впереди всех детей: читала стихи, стоя на табуретке, пела песенки про цветочки и елочки, танцевала. Бабушка с дедушкой не могли нарадоваться, так как им было приятно полу-

чать комплименты за свою «доченьку». И им не раз говорили: «Вот увидите – это будет артистка!»

Когда я стала взрослой, то написала стихи про себя в детстве.

Детский сад
В детский сад ходить непросто:
Очень много уж забот,
Заплетают утром косы
И пихают кашу в рот.

И в любое время года
Меня тащат в детский сад,
И хоть мне четыре года,
Без конца мне говорят:

«Воспитательницу слушай
И детей не обижай,
Обязательно все кушай
И до вечера играй.

Я приду с работы поздно
И устану под конец,
Будь послушной, моя дочка,
Тогда будешь молодец».

Надоело мне все это,
Этот вредный детский сад,
Там вообще порядка нету,

Все обидеть норовят.

Вот вчера такой был случай:
Все обедают сидят,
У меня пропал вдруг стульчик —
Утащил какой-то гад.

Мне же тоже кушать надо,
Ну а где же мне сидеть?
Я спихнула Петьку задом,
Ну а он давай реветь.

Я случайно зацепилась
За тарелку на столе,
А она вдруг очутилась
У него на голове.

Мне влетело очень сильно,
Простояла я в углу,
В этот детский сад противный
Больше в жизни не пойду.

Как-то раз бабушка рассказала мне интересную историю. Когда мы уже вернулись в Москву, к нам в гости приехал очень хороший дедушкин друг. У него с собой была гитара. Взрослые долго сидели за столом, разговаривали, а потом гость взял в руки гитару и стал петь разные песни. Я тут же подбежала к нему и стала напевать. Он прислушался ко мне,

спел другую песню, потом еще и еще... Я подпевала мелодии как могла, нисколько не стесняясь. В один момент он перестал играть и спросил меня:

– А вот так можешь? Спой! – и заиграл.

Я повторила мелодию, как ее слышала.

– А вот так?

Я снова спела, а потом еще и еще. Он повернулся к моим родителям, которые с упоением наблюдали за происходящим, и на полном серьезе сказал:

– Отдайте девочку учиться вокалу. Это будет большая артистка! Вот увидите, вспомните мои слова!

Мои расхохотались, я еще немного поиграла в куклы, и буквально через пятнадцать минут «певицу» уложили в кровать.

Где бы мы ни гуляли с бабушкой, я везде пела. Рот не закрывался. Бабуля рассказывала: «Песен особо ты никаких не знала, а что видела, о том и пела. Везу тебя как-то зимой на санках, а ты поешь во все горло “В лесу родилась елочка”. Я тебе говорю: “Не пой, простудишься, воздуха холодного нахватаешься”. Но все как об стенку горох, помолчишь чуток и снова затянешь свою песню». Вот так с тех пор и пою – не остановишь!

Перемены

И вот настало время возвращаться из Будапешта в Москву. Деду дали отпуск, и мы все вместе приехали домой. Когда наш поезд прибыл на перрон, я с нетерпением ждала встречи со своей родной мамой, которую так долго не видела. Она к тому времени уже вышла замуж и носила в животике моего младшего братика. Когда мы вышли из вагона, я кинулась в ее объятия.

— Мама, мамочка! — я стала ее обнимать и целовать, а потом повернулась к бабушке, которую все это время звала мамой, и сказала:

— Бабушка, а где моя сумка? Там же подарки для мамы.

Бабушка уже гораздо позже мне сказала, что ее это очень резануло и было даже чуточку обидно, ведь я всегда называла мамой ее. Но она все правильно понимала...

Через неделю бабушка с дедушкой уехали обратно в Будапешт, но по-прежнему заботились обо мне, отправляя чемоданами сладости и новые наряды. Откроешь чемодан, а там шоколадные зайцы, конфеты, орехи, плитки шоколада, жевательные резинки и много всего вкусного. В Советском Союзе все это было дефицитом. Люди даже в глаза этого не видели. Я выносила сладости во двор и делилась с другими детьми, за что сразу же получила титул «царица двора». Я же добрая душа и все раздавала направо и налево. Так было

всегда. Моя любимая тетя Наташа с мужем много ездила по разным странам и привозила вещи из-за границы. Она сказала, что в моем возрасте девочки должны чем-то увлекаться – например, собирать коллекцию каких-нибудь интересных вещей. Благодаря ей я стала коллекционировать башмачки. Я была ее любимая и единственная племянница. Когда бывала у нее в гостях, мне казалось, что я попала в сказку: настолько у нее все было красиво, да и готовила она очень вкусно.

Но вернемся к моему возвращению из Венгрии. Мы жили на квартире моего нового папы возле метро «Молодежная». Мама ждала ребенка. У нее был очень большой живот, как воздушный шар. И вот настал тот день, когда мамочку увезли в больницу рожать. Мы приехали забирать ее с новорожденным из роддома. И первое, что я спросила у нее при встрече: «Ну что, живот-то лопнул?» Все расхохотались!

Когда я уже подросла, бабушка рассказала мне забавную историю про мою маму, когда та была еще девчушкой, и ее сестру Наташу. Они росли вместе, две сестры, две подруги. Когда тетя Наташа вышла замуж и у нее стал расти животик, моей маме было 15 лет, но она была настолько наивная, что ей казалось: рост живота может быть заразным. И вот пьет Наташа воду или чай и говорит моей маме:

– Допьешь?

– Нет, нет, не буду.

– Попробуй у меня кашу.

– Нет, я не буду пробовать у тебя.

– Почему? Раньше из одной бутылки пили, из одной тарелки ели, а тут ни в какую!

– Да я боюсь, а вдруг у меня тоже вырастет такой же живот.

Эта история вызвала у меня умиление, и я написала стихотворение, в котором были такие строки:

У мамочки в животике
Живет мой младший брат.
А может, это девочка,
Нам люди говорят.

Ну как же это может быть,
Зачем он там живет?
Испортил мамочке он жизнь,
Забравшись к ней в живот.

Однажды я пришла из сада,
А мамы дома нет,
«За братиком ей ехать надо», —
Услышала в ответ.

Я ночью долго не спала
И все переживала,
Как мамочка из живота
Братишку доставала.

Но вот прошло три с лишним дня,
Должна вернуться мама,
Собралась вся наша родня,
И я ужасно рада.

И папа тоже очень рад,
Купил цветов охапку,
Собрался, будто на парад,
Еще купил кроватьку.

И вот в кроватке небольшой
Лежит, глазами хлопает
Хороший, маленький такой
Братишка недотепанный.

Я это все понять не в силах:
Ну как же все произошло
И чем там мамочка кормила
Из сиси брата моего?

Ну, лишь одно я знаю точно:
Когда немножко подрасту,
Куплю себе такой животик
И во дворе всем покажу.

Я очень любила младшего братика, хоть он и стал занимать все мамино внимание. При этом я оставалась такой же озорной и непоседливой. В ту пору были очень популярны детские эластичные колготки всех цветов радуги. Они были

недорогие, и мама покупала мне разные, чтобы они подходили под то или иное платье или юбочку. Я решила проверить их на прочность, надела зеленые колготки, оттянула на коленке и отрезала кусок. Эластичные стрелки, как лучи солнца, мгновенно поползли во все стороны. Я не останавливалась, рядом делала еще и еще дырку. Когда в комнату вошла мама, я отрезала очередной кусочек и с восхищением, глядя на нее, произнесла: «Смотри, мамочка, как же они красиво ползут в разные стороны, как лучики!» Мама пришла в ужас.

Моего братишку звали Павлик, и я смеялась и дразнила его: «Павлуха – два уха». Он был пухленький, лопоухий, белобрысый, но самый красивый. Вот только ноги у него были колесом. Они не выпрямлялись у него очень долго, и меня это всегда смешило. Мама с папой Володей делали ему массаж, и постепенно ножки выпрямились.

Отчим был красивый и добрый, но любил закладывать за воротник и дико ревновал маму. В угол меня стали ставить гораздо чаще. Я могла стоять там часами. Мне даже горшок рядом оставляли. Я в него запускала резиновые игрушки, потому что мне было скучно. Тогда я думала, что своих детей никогда не буду наказывать и ставить в угол. Собственно, я их и не ставила, а, наверное, зря... Когда родители приходили, я вскакивала и вставала носом в угол, вроде как я все время там стою. А так я не уходила далеко из этого угла, сидела рядом, играла, рисовала. Пару раз на обоях нарисовала – мне за это влетело. Угол – это было мое коронное место.

Временами я чувствовала себя чужой в семье, мне казалось, что братика все любят, а меня – нет. Так и жили.

Вскоре у деда закончилась командировка, и они с бабушкой вернулись в Москву. Мы всем семейством приехали к ним в гости в Рублево. Был большой праздник, все были счастливы!

– Мы приехали насовсем. Как ты тут, доченька?

– Бабуля, мне без тебя было так плохо, я скучала, – призналась я и расплакалась. Она меня приголубила, и я, успокоившись, пошла играть во двор. Когда я вернулась, бабушка встретила меня со словами:

– Хочешь – живи с нами. Мы же столько лет жили вместе!

Мама не стала возражать.

Я переехала жить к ним в поселок городского типа Рублево. Мы жили в огромной коммуналке на четыре семьи. Через какое-то время мама разошлась со своим мужем, не выдержав его трудного характера. И она снова вернулась жить в Рублево.

Жизнь в Рублеве

Сколько чудесных дней, месяцев и лет я провела в этом прекрасном поселке! Можно сказать, что это была одна большая деревня, где все знали друг друга: кто с кем сошелся или разошелся. Если свадьба, то собирались по сто человек в кафе, а все дети поселка стояли на улице, смотрели в окна и кричали: «Горько!» Если кто-то умирал, то хоронить шли всем миром, бросая под ноги еловые ветки. Играл духовой оркестр, друзья несли гроб, а родственники шли сзади, обливаясь слезами, за ними шел почти весь поселок, все сопереживали друг другу. Затем были поминки, но нас, детей, уже не пускали туда, и мы бежали за гаражи играть в прятки.

Оставшись в одиночестве, маме пришлось отвоевывать свое место под солнцем и судиться за жилплощадь. А я продолжала жить с бабушкой и дедушкой всё в той же коммунальной квартире на улице Советской в пятнадцати минутах ходьбы друг от друга. У нас был свой сад и большой огород, где росло буквально все. Вокруг домов росли яблони, вишни а также слива, крыжовник, малина. Бабуля любила сажать розы, пионы, тюльпаны. Больше всего я ненавидела полоть сорняки у клубники. Каждое утро мне давали таз, чтобы я шла собирать ягоду. Две – в таз, три – в рот. Потом с бидоном на груди я залезала по лестнице на самый верх раскидистых вишневых деревьев и подолгу сидела там, поедая вишню, по-

клеванную воробьями, так как там она была самая крупная и сладкая. Наше большое окно выходило прямо в этот вишневый сад. Бабушка из комнаты увидит меня и кричит:

- Хватит есть, собирай вишню.
- Да я собираю, это просто плохие, они клеванные.
- Ну, если клеванные, то ешь.

С другой стороны дома у нас был сад, где росли сливы, смородина, малина. Там же стоял сарайчик, в котором у деда хранились грабли, лопаты. Был погреб, где стояли банки с соленьями и вареньями, бочки с огурцами. Бабушка с дедом заготавливали на зиму запасы для всей семьи. Помню, как мы заворачивали в газету каждый зеленый помидор и клали в диван, туда, где обычно держат постельное белье, а у нас там хранились помидорчики и потихоньку созревали. На Новый год у нас на столе всегда были спелые помидоры.

Бабушка рассказывала – когда моя мама была девчонкой, у них были свои поросята и корова. Мама даже на свинье каталась, настолько большие они вырастали, и было очень жалко, когда подходило время резать скотину. Все плакали, потому что привыкали к животным, и есть их уже не могли: мясо и сало продавали. Со временем от живности отказались, и остались только сады и большущий огород, на котором скучать никому не приходилось...

В общем, все у нас было свое, и в дополнение к этому дед каждую пятницу приносил с работы «заказ», который ему полагался как сотруднику Госплана СССР. Там всегда была

баночка красной икры, соленая или копченая рыбка, кусок свежего мяса, палка копченой колбасы или кусок буженины. И если для многих советских людей это было пределом мечтаний, то меня ничего из вышеперечисленных деликатесов не волновало. Меня не могли заставить съесть ничего из этого набора, у меня совсем не было аппетита. Я была жутко худая – кожа да кости. Чего только в меня не пихали, включая гадкий рыбий жир! Родителей очень заботило мое здоровье, и они всегда старались меня накормить. Мне же было хорошо и так – я с утра до вечера носилась по улице: прятки, салки, мяч, бадминтон, скакалки!

Никогда не забуду один случай, как бабушка застучала меня за процессом выливания тарелки борща в форточку. А дело было так: бабуля в очередной раз позвала меня со двора обедать. Накрывала она мне в комнате, так как кухня была общая, а обед был полноценным, как положено: первое, второе и компот. Я никогда не могла съесть первое целиком, и бабушка очень расстраивалась из-за этого. И тогда я решила, что буду выливать суп или щи в окно, под которым у нас росла красная смородина. Так я и стала делать. Вылью первое под куст – тарелка пустая, бабушка счастливая. Несет второе блюдо, я сижу давлиюсь... откушу кусочек котлетки и держу во рту. Бабушка посмотрит на меня и говорит: «Ладно, не мучайся, первое съела – уже хорошо, иди гуляй, но вечером как следует поешь». И так бывало не один раз. А вот в этот день то ли шел дождь, то ли по другой причине, но форточка

была закрыта. Есть не хотелось совсем, и я, как только бабушка вышла из комнаты, запрыгнула с тарелкой борща на подоконник и протиснула полную тарелку в форточку, вылила, но не рассчитала, — и весь борщ попал на стекло с обратной стороны... Картошечка, свеколка, капуста прилипли к окну и не хотели сползать вниз, я пыталась помочь им ложкой, но она выскользнула у меня из пальцев и исчезла из виду в обильной листве смородинового куста. В этот момент зашла бабушка! Дальше можно не продолжать: я думаю, все понимают, что было потом... Я была наказана и несколько дней не ходила гулять во двор с друзьями. А что могло быть хуже для ребенка?! Бабушка очень расстроилась и долго не разговаривала со мной, а это было для меня самое неприятное: мне было стыдно, и я так больше никогда не делала, к счастью для бабушки и для окна, которое, кстати, мыть тогда пришлось мне!

Вырасту и заведу собаку

Над моей худобой подтрунивали все ребята во дворе. Помню, однажды мы играли в прятки в огромном саду напротив нашего дома. Когда-то там тоже стоял дом, но его снесли, и остались лишь сады, в которых мы часто играли. Я забралась на самую верхушку огромной яблони, и меня не могли найти.

– Слушай, где Наташка? – ходят под деревом дети. Я сижу, слушаю их. – Куда она делась? Может, домой убежала? Ладно, надоело уже искать, пошли.

Я им сверху кричу:

– Эй! Куда пошли?

Они поднимают глаза:

– Как ты туда забралась?

– Вот так и забралась.

– Слезай.

– Мне страшно, – отвечаю я.

– Ну, правильно, а нам еще страшнее, – смеются друзья, – дерево на дерево залезло!

– Прыгай, тебе не будет больно.

Кое-как я спустилась, все посмеялись и отправились играть во двор. Друзей у меня всегда было много, и вот, когда я уже подросла, мне захотелось написать стих про своих друзей детства. И получилось вполне юмористическое сти-

хотворение. Даже хулиганское, я бы сказала. Впрочем, оцените сами.

День рожденья

День рожденья – это чудо! Пригласили мы гостей.

В этот день скучать не буду, мне с друзьями веселей.

Мама торт внесла слоеный и поставила салат.

Попугай, мой друг зеленый, лопал в клетке
шоколад.

А моя подружка Жанка в джинсах фирменных
пришла,

Подарила мне пижамку, ту, что стала ей мала.

А соседи Тося с Галкой, всё галдя наперебой,

Подарили куклу Барби мне со сломанной ногой.

В общем, было все отлично, доедали мы пирог,
Все вели себя прилично, тут раздался в дверь
звонок.

Это друг пришел Кирюха, и пошла тут чехарда:

Оторвал он Барби руку и за хвост таскал кота.

Разозлилась я, конечно, и тем более что он

Попугая, друга Кешу, звал все попкой-дураком.

Я такого обращения ни за что не потерплю:

Сразу после дня рожденья я Кирюхе так влеплю!

Будет знать, как задираться, как ломать всё, будет
знать,

Не иначе как засранцем его стану называть!
Он испортил мне весь праздник, этот вредный
крокодил,
Ну а главное, ЗАСРАНЕЦ ничего не подарил!

Недалеко от нас жил дедушкин отец, мой прадед. Прадедушка был очень старый, седой, худой. Он прожил очень долгую жизнь. Ему было далеко за девяносто. Он держал собаку, овчарку, которую звали Байкал. Жила она в деревянной будке на улице в саду. Прадед иногда отпускал Байкала, и он свободно бегал по саду. Первый раз, когда я со своим дедушкой пришла к ним в гости, он повел меня знакомить со своей родней. Ко мне подбежал пес, лизнул мою ладонь, и он мне так понравился, что я стала к нему приходить. Я нашла в заборе сломанную деревянную дощечку, которую отодвигала, просовывала туда руку и кормила его котлетами, которые я не ела. Собака ко мне настолько привязалась, что только я иду в школу и кричу «Байкал!» – он уже у забора и как бы отвечает: «Я здесь, моя госпожа». Вскоре я его стала потихонечку выпускать, гуляла с ним. Он не отходил от меня ни на шаг, а потом стал по утрам носить мой портфель до самой школы. Все удивлялись, как такое возможно! А я чувствовала себя великим дрессировщиком. Мы доходили до школы, я ему говорила: «Все, стой». Забирала у него портфель, и он садился возле дороги и провожал меня взглядом. Очень умная и послушная была собака. Я переходила через дорогу, поворачивалась и говорила: «Байкал, иди домой». Он вста-

вал, отходил назад, опять садился и смотрел на меня.

– Я кому сказала, иди домой!

Он опять вставал, отходил на два-три метра и снова садился.

– Да что это такое? Быстро иди домой! – включала я сердитую хозяйку. – Чтобы я видела, что ты домой пошел!

Тогда он разворачивался и, не глядя на меня, опустив голову, шел обратно.

Вечерами я с ним гуляла, держа на поводке, и знала, что ко мне никто и близко не подойдет. Даже в темноте, если кто-то обращался ко мне, Байкал начинал лаять, и все сразу разбегались в разные стороны.

Я помню, как в рождественскую ночь в гости пришла мама и они вместе с соседками по коммуналке гадали на кухне. Я была маленькая, половину, естественно, не понимала, но наблюдала за этим процессом с большим любопытством. Бралась книга, ножницы, все это как-то перевязывалось, книга подвешивалась на два пальца и вызывался дух. Задавались вопросы, и через книгу поступали ответы: если она крутилась в одну сторону – это было «нет», в другую – было «да».

Я запомнила одно из гаданий. Взрослые включали газовую плиту, брали тарелку и переворачивали, газету сильно мяти, потом этот ком поджигали в тарелке, и в этот момент на стене от отблесков пламени появлялась тень. Огонь горит, картинка меняется. Считалось, что в этот момент ты увидишь то, что скоро произойдет. И вот вдруг мы все чет-

ко увидели гроб, в котором лежал мужчина с бородой. Все охнули: «Гроб. Кто-то умрет». У меня это вызвало ужас! А через пару дней умирает мой прадедушка, хозяин моей любимой собаки. Байкал хоть меня и полюбил, но всей душой принадлежал хозяину – собаки очень преданные существа. Когда дед умер, пес все понял, лег в конуре и не выходил ни на мои котлеты, ни на другие призывы. Через несколько дней после похорон деда Байкал умер в конуре от тоски. Для меня это была страшная трагедия. Я рыдала целыми днями – ведь я потеряла друга. С тех пор я всегда мечтала о собаке, но бабушка мне не разрешала. Она была большая чистюля. А я думала, когда вырасту, не буду так тщательно убираться в своей квартире, а заведу собаку и буду с ней жить.

Знакомство с папой

Так как мои родители разошлись, когда я была совсем маленькой, то я вообще не знала, как выглядит мой папа. Я даже и не задумывалась о его существовании. У меня был любимый дедушка, и мне больше никто не был нужен. Тем не менее я порой задавала бабушке вопрос про папу, потому что чувствовала себя с ней более раскованно. И вот однажды она мне сказала, что мама с папой разошлись «не по дружбе», а разругались, и мама не хотела, чтобы я общалась с отцом. Поэтому до 9–10 лет я своего отца никогда не видела. Мама просто оберегала меня от него. У него давно уже была своя семья – сын-подросток и младшая дочка. Как-то раз девочке, видимо, сказали, что у нее есть старшая сестричка, и она стала надоедать родителям: «Я хочу видеть сестричку, познакомьте меня с сестричкой».

Впервые я увидела своего отца в магазине. Мама была застигнута этой встречей врасплох. Мы с ней стояли в очереди в колбасный отдел, и в этот момент в магазин зашел папа и увидел нас. Он быстро подошел и, не здороваясь, сел передо мной на корточки: «Ой ты моя маленькая!» Я испугалась и спряталась за маму: какой-то незнакомый дядька со мной разговаривает... Мама взяла меня жестко за руку и хотела уйти, но он громко сказал, так, чтобы слышала вся очередь, а ведь это деревня, где все всё друг про друга знают: «Привет!

Ну, познакомь меня с дочкой!»

Все смотрели только на нас, маме, видимо, стало некуда деваться, и она произнесла: «Наташенька, познакомься, это твой папа».

Ситуация дурацкая: в очереди в магазине я первый раз увидела своего папу.

Дальше у нас началась детективная история, потому что мама по-прежнему не хотела, чтобы я общалась с папой.

Помню, мы должны были ехать в гости к маминим друзьям, и она мне наказала:

– Ты после школы не задерживайся, приходи вовремя, мы сразу поедем.

– Хорошо.

Вдруг у входа в школу меня встречает отец с маленькой девочкой.

– Наташа, что ты от меня бегаешь, я же тебе ничего плохого не хочу сделать. Почему ты меня боишься? Лёлочка очень хочет с тобой познакомиться, – произнес отец.

И в этот момент девчушка кинулась меня обнимать, приговаривая: «Ой, моя сестричка! Как я тебя люблю!» Ста-
ла меня целовать, прижимаясь ко мне всем своим хрупким
тельцем. Я таких нежностей не испытывала никогда, и ме-
ня это разоружило. В этот момент мой отец показался мне
очень милым и заботливым. Он подарил мне большую коробку конфет, и мы договорились в следующий раз погулять
вместе. Я, счастливая, прибежала домой, показываю маме

эти конфеты и говорю:

– Мамочка, папа и моя сестричка Лёля подарили мне конфеты!

Не успела я моргнуть глазом, как вся коробка оказалась в мусорном ведре.

Я, конечно, очень расстроилась, в первую очередь из-за того, что была страшной сластеной. А тут ни за что ни про что пропала целая коробка вкуснятины.

Папа несколько раз пытался выйти со мной на связь, но все никак не получалось. Когда я стала старше и мы переехали с бабушкой и дедушкой жить в новую квартиру, в Москву, сестренка мне часто звонила и звала в гости, папа тоже. И однажды я к ним приехала. Маме хоть это и не нравилось, она уже не была против нашего общения. Впоследствии я довольно часто по выходным ездила к ним в гости. Они накрывали стол, папа готовил изумительную курицу – цыпленка табака. Меня там замечательно принимали. Я познакомилась со своим братом, сестрой, с бабушкой Лидой – мамой отца и с тетей Валею – его родной сестрой. Лишь тогда я узнала всех своих родственников по отцовой линии.

Папа всегда был музыкальным человеком, и, хотя не был ни артистом, ни музыкантом, он сам научился играть на баяне, на аккордеоне, на фортепиано, на гитаре, был всегда душой любой компании. Сестричка Ольга, или, как мы ее называли, Лёля, очень хорошо пела и играла на пианино. Папа своих детей заставлял заниматься музыкой. Моя бабуш-

ка тоже в детстве купила мне пианино, нашла педагога, который стал приходить к нам три раза в неделю. Я сидела, играла эти нудные гаммы, а во дворе все мои друзья носились и звали меня:

– Наташка, выходи!

А бабушка им в ответ:

– Не орите, она музыкой занимается.

– Наташка, выходи в прятки играть!

А я сидела и долбила по белым и черным клавишам: до-ре-ми-фа-соль-ля-си.

Меня жутко напрягала эта игра. Никакие домашние задания я не делала. Когда преподаватель ставила передо мной ноты и я начинала играть, то она понимала, что я совершенно не готовилась. Однажды она сказала бабушке:

– Что вы ее заставляете? Да, она талантливая, да, у нее есть слух, есть голос, но желания заниматься у нее нет.

У меня на самом деле с детства был идеальный слух. Но мама и бабушка не пели. Видимо, этот талант достался мне по отцовской линии. Ну и спасибо ему за это большое. Не представляю, чем бы я занималась, если бы не эти папины гены, хотя мои брат и сестра по отцу не стали артистами. Кому что на роду написано, наверное...

Он от бабушки ушел...

Кто-то в нашей коммуналке постоянно подворовывал продукты из нашего холодильника. Бабушка сокрушалась: «Я уже устала кормить всех соседей. То масло пропадает, то яйца. Только что был десяток, осталось всего пять яиц! А не пойманный – не вор, никому же не предъявишь обвинение». Они с дедушкой выделили часть коридора, отгородили его фанерой, туда поставили холодильник и повесили замок. Там же поставили маленький диванчик, и я туда перешла спать. До этого дня я ночевала в комнате с бабушкой и дедушкой, где мне каждый вечер ставили раскладушку, на которой я проспала не один год. Пока мне бабушка не почешет спинку и не возьмет меня за руку, я не засыпала, потому что очень боялась темноты. Если я хотела в туалет, то ночью даже не вставала из-за страха. Бабушка была гипертоником и имела лишний вес, она довольно сильно храпела, и я порой часами не могла заснуть. Для меня было спасением перебраться на диван к холодильнику, но теперь вместо бабушкиного храпа я слышала абсолютно все, что происходило на соседской территории в зоне туалета, ванны и кухни.

В общем туалете у каждой семьи был свой деревянный стульчак – всего их было 4 – и каждый из них висел на своем гвозде прямо в туалете. Один сосед был пьяницей, и он все время умудрялся писать мимо толчка, как будто нарочно.

После него зайти в туалет было просто невозможно – некуда ступить. Взрослые с ним всегда ругались, но это было бесполезно, а мы, дети, когда видели его на улице, всегда улюлюкали: «Дед Федул в штаны надул!» Он, разъяренный, поворачивался и бежал за нами с криком: «Сейчас поймаю, убью!» Мы визжали и разбегались врассыпную. Я его очень боялась. В общем, так и жили. Школа – сад – двор – лес – речка. Воды я страшно боялась, хоть и провела детство на Москве-реке. А плавать научилась только в 15 лет. Но об этом вы узнаете чуть дальше.

То, что я была озорным ребенком, вы уже поняли. Я не любила входить через дверь, а предпочитала лазить в окно – благо жили мы на первом этаже; дружила я в основном с мальчишками и вскоре стала показывать бабушке свой характер.

Ситуации бывали разные, и бабушка, будучи человеком мягким, все же позволяла мне не все, что я захочу. Когда я натыкалась на запреты, то психовала и говорила: «Все, я ухожу жить к маме!» Я знала, чем можно было спекулировать. Однажды после такой ссоры я собрала в авоську всех своих кукол и вроде как пошла жить к маме. Бабушка возвращается из магазина, а ей навстречу я с двумя авоськами, из дырок которых торчат головы кукол. Бабушка спрашивает:

– Это что такое?

– Я от тебя ухожу.

– Да? Куда это ты уходишь, интересно знать?

– Как куда? К маме.

– Это все твои вещи?

– Да, мне больше ничего не нужно.

– Ну-ну, иди, посмотрю, через сколько часов ты прибежишь обратно.

Пришла я к маме, а она меня отчитала:

– Как ты посмела бабушку обидеть? Что значит – ты ушла? А ну-ка возвращайся назад к бабушке!

И я с этими куклами вернулась обратно в тот же день с опущенной головой и просила у бабушки прощения.

Надеюсь, вы не забыли историю моей любви к мороженому? Хочу ее слегка дополнить. Сколько себя помню в детстве, все время выпрашивала у родных деньги на мороженое. Раньше оно стоило 15 копеек. И я то к дедушке подойду: «Дедуль, дай на мороженое», то к бабушке с той же просьбой.

– А тебе дед не давал? – спрашивала бабушка.

– Нет, не давал, – нагло врала я, и она мне тоже давала.

Потом я шла за мороженым. Продавалось оно на пяточке возле маминого дома, где разворачивались автобусы. Естественно, я забежала к маме:

– Мам, дай на мороженое, – и она мне тоже давала.

Потом я встречала тетю или дядю, еще кого-нибудь из родственников, которых было полно, и у всех кланчила по 5–10 копеек. В итоге за день я съедала 5–6 порций эскимо. И так каждый день: все лето, всю осень, до самой зимы. Зимой,

как я уже говорила, ела сосульки, а все потому, что зимой на мороженое мне никто денег не давал. Но ни мороженое, ни конфеты на меня не действовали – я по-прежнему была худющая. Как говорится, доска – два соска. Мальчики на меня не обращали никакого внимания. Да и меня они, если честно, тогда еще совсем не интересовали.

Любовь к спорту

Школа, в которой я училась, стояла на возвышении, а внизу текла Москва-река. На школьной территории были фонтаны с ангелами из белого гипса и всюду рос барбарис. Я помню, как в фонтане не то кончилась вода, не то его закрыли на ремонт. В нем теперь валялись битые бутылки, мусор, окурки. Однажды я полезла за барбарисом, оступилась и упала в фонтан – руками проехала по этим стеклам, колени в кровь, из ладоней торчат осколки. Крупные я вынула, а мелкие боялась трогать. Кровищи было столько, что я побежала в медпункт. Мне залили все раны зеленкой. А в школе все смеялись надо мной, подтрунивая: «Крокодил Гена». Руки у меня были зеленые, колени зеленые, и все это жутко болело. Некоторое время я даже не могла писать. И эта халява мне, конечно, понравилась.

Лето в Рублеве проходило очень весело и быстро. Месяцы летели один за другим, и мы не замечали, как наступала осень и еще быстрее наступала зима. Зимой бабушка научила меня кататься на коньках. Мне это так нравилось, что после школы я приходила домой, делала уроки и бежала на каток. Однажды я надела коньки и решила перелезть через снежный ров. Но под снегом оказался лед, конек взлетел вверх, я перевернулась и коньком заехала себе по руке. После такого кульбита я заорала от боли. Поликлиника, куда

мы прибежали, была в ста метрах от катка. Оказалось, что у меня закрытый перелом руки. В первый день мне привязали к руке шину – обычную деревянную дощечку, туго обмотанную эластичным бинтом. Никогда не забуду, как это было больно! Мне просто сказали: «Сегодня выходной день, приходите завтра, когда будут врачи, тогда вам наложат гипс». Со сломанной рукой я лежала носом к стене и рыдала от дикой боли, колотя при этом ногами в стену. Как я пережила эту ночь, не помню. Утром мы пошли в больницу, и мне наложили гипс. Целую неделю я не ходила в школу, и когда я пришла, все надо мной смеялись, так как накануне прошел фильм «Бриллиантовая рука». Мальчишки зажимали меня в углу: «Давай мы тебе сейчас гипс вскроем, вдруг у тебя там бриллианты». Я отбивалась: «Идите в баню, нет у меня никаких бриллиантов!»

Коньки после этой истории я не разлюбила, наоборот, принимала участие в соревнованиях по конькобежному спорту между школами и заняла первое место!

С раннего детства я мечтала о велосипеде. У моего дяди, мамино двоюродного брата, был спортивный велик. А я вообще никогда не каталась на двухколесном мужском велосипеде. Однажды к нам приехал дядя, приставил велосипед к забору и ушел в дом. Я смотрю на велик и думаю: «Я долго не буду кататься, попробую просто педали покрутить. А как он выйдет, то сразу отдам».

Я села на велосипед и поехала. Велосипед помчался сам.

Это было одновременно и здорово, и страшно. Педали крутились сами по себе, меня понесло с горки на дорогу, где ездят машины. А где у велосипеда тормоз, я понятия не имела. Однако у меня хватило ума свернуть с дороги в забор. Естественно, искры посыпались из глаз, я вся была в ссадинах и синяках. Дядя подбежал ко мне и взволнованно спросил:

– Ты цела?

– Цела, цела, все, правда, болит.

После этого мне еще больше захотелось кататься на велосипеде, и я стала всех уговаривать, чтобы мне его купили. Мама сказала об этом отцу, и когда мне исполнилось 12 лет, мне подарили женский велосипед «Кама». Какая же я была счастливая!

Закаляйся, если хочешь быть здоров

У меня была школьная подружка Света Колбасина. Мы с ней все время «колбасились». Как-то в начале марта, когда уже пошел лед на реке, мы на портфелях спустились вниз с горки и стали любоваться природой. На мне было зимнее приталенное пальто на ватине с искусственным коричневым мехом.

Я, как всегда отчаянная и отважная, говорю подруге:

– Давай проверим толщину льда!

– Ты что, ненормальная, что ли? Какая толщина льда? Видишь, там уже река течет!

– Так она же там течет, а здесь еще смотри какой лед, – произнесла я и ногой наступила на лед.

– Остановись, не делай этого!

– Нет, я хочу проверить, – упрямо твердила я и потихоньку продвигалась вперед.

Она меня отговаривала, но бесполезно. Медленно ступая по льду, я отдалялась от берега. До сих пор не понимаю, как я смогла это сделать, ведь я боялась воды и не умела даже плавать. Если меня летом на пляже насильно тащили в воду, я орала так, что вокруг все говорили: «Да отпустите вы ребенка, не мучайте». Поэтому меня в детстве не научили плавать. И вот иду я тихонечко по этому льду, метра четыре уже прошла, а Света с берега мне кричит:

– Может, уже хватит?!

– Может, и хватит, – отвечаю я, поворачиваюсь и в этот момент проваливаюсь до пояса под лед. Это произошло мгновенно, я даже не успела испугаться, зато увидела глаза моей подруги, которые полезли из орбит. Света в панике, не знает, что делать, плачет, причитает:

– Что же ты наделала? Я же тебя просила не ходить!

– Не переживай, сейчас вылезу, – отвечаю я.

Руками держусь за лед, пытаюсь закинуть на него коленку, лед опять трескается, и я глубже проваливаюсь под воду. Через какое-то время я выдохлась: зимние сапоги, пальто – все намокло и, как гиря, стало тянуть меня вниз. Я хлебала ледяную воду, и Светка поняла, что если сейчас она не бросится мне на помощь, то я просто утону. Она поползла по льду мне навстречу, схватила меня за руку и начала отползать обратно. Там, где она находилась, лед был еще достаточно толстый, не ломался. Светка меня вытащила на берег и спасла мне жизнь, хотя тогда мы с ней этого до конца не понимали. Наверху какие-то молодые парни жгли костер и наблюдали за нами, но никто даже не спустился, чтобы помочь девчонкам. Когда мы обе были уже на берегу, Светка плакала и обнимала меня, меня колотило от холода, а эти парни наверху насмеялись: «Ну что, утопленница, не получилось утопиться?!» Мы молча прошли мимо. А я только подумала: неужели они бы так и смотрели на то, как я утону... вот гады!

Я побоялась идти домой, так как знала, что бабушка, уви-

дев мокрое пальто, взгреет меня. Я пошла к маме, которая жила рядом с речкой, тоже в коммунальной квартире, позвонила соседям в дверь. К маме было три звонка, к одному из соседей два, к другому один. Я умышленно позвонила один раз, вышла соседка тетя Валя и сказала:

– Наташка, а ты чего мне-то позвонила? Посмотрела внимательно и добавила:

– Ты чего такая мокрая? Что случилось-то? И уже хотела окликнуть маму, но я приставила палец к губам, проскочив в ванную комнату, как могла отжала пальто и повесила его на огромную батарею. Потом налила полную ванну горячей воды и легла в нее. Согреваясь в горячей ванне, я прикидывала, что буду врать маме. В дверь раздался стук:

– Наташа, открой.

Это была мама. Я была готова второй раз утонуть от страха, не зная, что говорить.

– Сейчас, мам, я уже выхожу.

– Что ты там делаешь? Что происходит?

Я открыла ей дверь. Она очень удивилась, почему я моюсь у нее, подошла к батарее:

– Что с вещами? Почему они мокрые?

– Я упала.

– Куда упала?

– В лужу, – ляпнула я.

Мама округлила глаза:

– В какую еще лужу в марте?

Тут из комнаты выглянул мой младший брат и стал проситься к нам. Это меня и спасло. Мама метнулась к нему со словами:

– А что я, собственно, удивляюсь, ты что хочешь найдешь... и даже лужи зимой!

– Так весна уже, – робко сказала я, – снег тает потихонечку, вот и лужи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.